

СЕКРЕТЫ РУССКОЙ
ДУШИ

ВЕСНА:

МИХАИЛ

Потом я стал думать, у кого можно перехватить на недельку. Выходило, что ни у кого. Когда меня взяли в эту фирму, все очень легко давали взаймы. Солидное предприятие. Партнеры в Штатах и по всей Европе, навороченный офис, у босса — свой вертолет. Кто знал, что грядут сокращения? Как теперь долги возвращать? Пнули, словно собаку под зад, а ты теперь сиди на бульваре посреди этой раскисшей жижи и мотай сопли на кулак. Пришла, блин, весна, открывай ворота!

* * *

После обеда посидел на Гоголевском бульваре, потом возле храма Христа Спасителя, потом возле памятника Достоевскому на ступеньках библиотеки и, когда совсем замерз, перебрался в Александровский сад. Скамейки здесь были самые удобные. Мягкие как пух и даже как будто теплые. К этому времени мой зад уже мог легко отличить скамейку на Тверском от скамейки у Кремлевских ворот. Не задница — а профессор. Жаль только — в МГУ таких не берут. Хотя что они там получают, эти профессора.

— У вас не найдется случайно зажигалки?

Рядом откуда-то взялась дамочка. Будто из-под земли выскочила. Как это я ее не заметил? Должно быть, тоже скамеечка приглянулась.

— Пожалуйста, — я круто щелкнул своей «Zippo». Люблю реальные вещи.

Непохоже было, что ее с работы турнули. Вид счастливый, прикинута от Нины Риччи — или от кого там? — я в последнее время как-то почти не слежу. Так что непонятно, зачем она по скамейкам шарахается.

Я поискал глазами ее жлобов. Рядом с такой счастливой обязательно должен какой-нибудь шофер вертеться.

Эта была одна.

— Сколько? — Она наклонилась ко мне, и я подумал, что духи у нее баксов за двести.

— Сто, — говорю, не задумываясь.

Просто так сказал. Пошутил. Я даже не знал, о чем она спрашивает.

Она открывает сумочку и тащит оттуда два раза по пятьдесят. Зелеными. Прямо как в кино. Сунула их мне в руку.

Я говорю:

— За что?

Она говорит:

— Ты знаешь.

Я посмотрел на нее немного и говорю:

— Не-е-т, я не хочу.

Она говорит:

— Мало, что ли? На, еще пятьдесят.

Я говорю:

— Да не хочу я, не надо мне пятьдесят.

А она говорит:

— Ну, тогда давай за двести.

И толкает мне в руку другие баксы.

Я думаю, ну, блин, попал. Бешеная какая-то!
А сам ее все время от себя отталкиваю.

Вдруг она говорит:

— Ты что, случайно на эту скамейку сел?

— Ага, — говорю. — На камне попа сидеть замерзла.

Она рассмеялась.

— Ну, дай тогда еще раз прикурить.

Теперь уже нормальным голосом сказала.

Я снова щелкнул «Zippo», она затянулась, и мы стали сидеть молча. Типа, присели такие на лавочку и отдыхаем. Кому какое дело? Мимо прогуливались туристы. Их теперь много стало на Манежной, после того как под землей эту ерунду построили. Фонтанчики, зверушки — малышня любит.

Она вдруг тихо засмеялась.

— А ты чего все-таки отказался-то?

Я пожал плечами.

— Не знаю... За деньги как-то не так.

— И руку мою так серьезно отталкивал.

Она прыснула от смеха.

— Застеснялся, что ли? Даже побледнел.

— Да нет, — сказал я. — Просто сначала не врубился, в чем дело.

— Ты правда случайно сюда сел?

— А что, здесь просто так посидеть нельзя?

Она затянулась поглубже.

— Ну, это специальное такое место.

— Да я уж понял.

— Догадливый.

Она замолчала и, щурясь от дыма, продолжала смотреть на меня.

— А может, я тебе не понравилась? Старовата, наверное, для тебя?

На вид ей было лет тридцать. Конечно, лучше бы помоложе, но эта была ничего. Хорошая. Симпатичная, чего говорить. Возраст тут не помеха.

— Да нет, — сказал я. — Возраст тут ни при чем. Просто не могу за деньги.

— Ну, как знаешь.

Она откинулась немного назад и положила руку на спинку скамьи.

— Надо же, вот и весна пришла, — сказала она, глубоко вздохнув. — У тебя все в порядке?

— Да, да, все нормально. А как у вас?

— Чего ты тогда один тут сидишь? Посинел весь от холода.

— Так, ерунда. Просто времени много.

— У кого времени много, те в такую погоду на скамейках не сидят.

— А где они сидят?

— В разных хороших местах.

— Для таких мест бабки хорошие нужны.

Она бросила сигарету и улыбнулась.

— Ты теперь знаешь, где их достать.

— В принципе, конечно... — начал я.

— В общем, если надумаешь, позвони.

Она встала и протянула мне визитку.

— Ты славенький, только весь синий. Иди домой, а то совсем замерзнешь. Тебя как зовут-то?

— Миша.

Я держал визитку и думал, что, в принципе, надо было соглашаться. Это и были те бабки, о которых я

думал с самого утра. Но как я теперь должен был за ней бежать? Типа — «постойте, давайте поговорим еще»? Вот, блин, всегда так! Вечно вовремя не сообразишь. В который раз одним местом прощелкал.

Я убрал визитку поглубже в карман и решил в самом деле пойти домой. А что еще оставалось?

* * *

На следующее утро выгреб из всех карманов что где лежало, и вышло не очень весело. Чтобы сильно не расстраиваться, я сбегал в булочную и гастроном. Наелся бубликов с маком. Хватило еще на молоко, но оно было вчерашнее. Утешало то, что его можно было растянуть на три дня. Холодильник пока работал. За вычетом пачки «Мальборо» и коробки «Тик-так» у меня оставалось немного мелочи. Можно было два раза съездить куда-нибудь на метро. Желательно туда, где лежат бабки. Один раз туда, и второй раз обратно. Хотя если там действительно будут бабки, про обратный проезд можно не беспокоиться. Дело было за малым.

Я сел рядом с телефоном и стал думать. В голову не приходило ничего, кроме сердитых друзей и обиженных родственников. Они постоянно дулись на меня, а когда встречали на улице, то отворачивались или вообще заходили в какой-нибудь магазин. Что те, что другие считали меня дурным человеком. Их раздражало то, что я плохо вел свои финансовые дела, что деньги у меня никогда не задерживались. А больше всего их раздражало то, что у меня не задерживались их деньги. От всех этих мыслей я снова почувствовал голод. Надо было что-то решать. «Вот бы американцы, — подумалось мне, —

привозили бабки по телефону 911. В маленьких аккуратных стопочках, обернутых в золотую фольгу. Как в сказке. И пели бы тихими голосами: «Хэппи бёздей ту ю».

Я наконец вынул из кармана вчерашнюю визитку и уставился на нее. Нельзя, конечно, сказать, что я про нее забыл, но все-таки перехватить где-нибудь денжат старым проверенным способом было бы как-то... Впрочем, плевать!

Я протянул руку к телефону, но он так резко вдруг зазвонил сам, что у меня чуть сердце не выскочило от неожиданности.

— Да? — я почти заорал, схватив трубку.

— Приемная генерального директора компании «Ред стар индастриз». Это квартира Воробьевых?

— Да, это я! — я закричал еще громче. — В смысле, не квартира... а Михаил Воробьев. Это я!

— Вам сегодня назначена встреча на двенадцать часов. Просьба приехать на пять минут раньше.

— Но... меня уволили по сокращению. Я уже расчет позавчера получил.

«И потратил», — сказал у меня в голове второй голос.

— Без пяти двенадцать. Пожалуйста, не опаздывайте. Всего хорошего.

— Подождите, подождите! — завопил я. — С кем встреча-то? Зачем?

— С генеральным директором. До свидания.

В трубке забипало, а я все еще продолжал держать ее у самого уха. За то время, что я проработал в компании, мне никого выше начальника своего отдела видеть не приходилось. Самого главного босса из наших вообще не видел никто.

Мною заинтересовались боги.

«Вот и пригодятся денежки на метро», — подумал я и наконец положил трубку.

* * *

В приемной кроме секретарши сидело еще человек шесть. «Тоже, наверное, сократили, — подумал я. — А теперь вызвали, как меня. Может, какая-нибудь ошибка. Вдруг вернут на работу!» Догадка была слишком хороша, чтобы в нее верить. Но я на всякий случай сделал в кармане фигу.

— Моя фамилия Воробьев... — начал я, как вдруг у секретарши на столе заговорил динамик.

— Воробьев не приходил? — спросил он.

— Только что подошел, Павел Петрович.

Секретарша посмотрела на меня.

— Пусть войдет.

— Хорошо.

— Зинаида...

— Я слушаю, Павел Петрович.

— Что у меня еще до обеда?

— Встреча с представителями совета директоров.

— Во сколько?

— В двенадцать тридцать.

— Отмени. Пусть придут завтра.

— До обеда?

— Сама разберись.

— Хорошо, Павел Петрович.

Динамик замолчал, и секретарша опять посмотрела на меня.

— Ну, что вы стоите? Идите — вас ждут.

— Ага, — сказал я.

* * *

Кабинет у босса был не очень большой. Не очень большой, но классный. Я бы от такого не отказался. Пол из белого пластика.

Босс поднял голову от своих бумаг и внимательно посмотрел на меня. Дольше всего он смотрел на моих «докторов». Я тоже опустил глаза на ботинки. От этих говноступов на белом полу тянулась цепочка грязных следов.

У меня в голове мелькнуло — не сбегать ли к секретарше за тряпкой?

— Да, весна уже в самом разгаре, — задумчиво сказал босс.

Помолчав, он встал из-за стола и подошел к окну.

— А зелени еще нет.

— Скоро появится, — вставил я.

Он продолжал смотреть в окно. Мы оба молчали. Прошло, наверное, минуты две. Я уже начал думать, что он о чем-то своем загрузился.

— Сколько вам лет?

Он спросил так неожиданно, что я вздрогнул. Хорошо, что он стоял лицом к окну.

— Двадцать три.

— А сколько вы проработали у меня в компании?

— Четыре месяца.

— Недолго.

Он усмехнулся и наконец повернул голову от окна.

— Меня сократили.

— Да? А что так?

В его голосе прозвучало сочувствие. Меня это воодушевило.

— Сказали, что я не справляюсь с работой.

— А вы?

— А я справлялся.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Полтора месяца назад компания не выполнила своих обязательств перед итальянцами. Мы недопоставили им сырье. Кажется, ваш отдел этим занимался?

У меня упало сердце. Тут я в самом деле был виноват. Мы на два дня тогда загудели у одного барбоса на даче, и я не успел закончить пакет документов.

— Но они ведь не стали взимать с нас неустойку.

— Я подарил президенту их компании катер для рыбной ловли.

На это я ничего не сказал и стал смотреть на свои ботинки. Вокруг них растекались черные лужицы.

— Две недели назад, — продолжал босс, — у нас возникли проблемы с правоохранительными органами.

Тут я был виноват по полной программе. На 23 февраля собрал бывших однокурсников прямо у себя в конторе. Никто ведь из нашего выпуска не смог устроиться так круто. Вечно, блин, охота подогнуть пальцы.

Когда в два часа ночи сработала сигнализация и вдруг приехали менты, наши почему-то начали отбиваться. Я пробовал их успокоить, но мне так звезданули под глаз, что я очухался только в ментовке. На следующий день, как мне потом рассказали, по всему отделу натыкались на лифчики. Один оказался в столе у заведующего.

— Вы ведь тоже тогда подрались с милиционерами?

— Они первые начали.

— Вообще часто деретесь?

— Да не так чтобы...

— А все-таки?

Он, прищурившись, смотрел мне прямо в глаза.

— Бывает.

Я опустил голову.

— И пьете?

— Ага.

— И подруг у вас много?

Я понял, что сопротивляться бесполезно.

— Некоторые даже проститутки, — со вздохом признал я.

— Как видите, работник вы никудышный. Сколько я вам платил?

— Девятьсот долларов.

— Многовато за такую работу.

Он опять усмехнулся. Мне стало ясно, что мой поезд ушел. Я глубоко вздохнул, и мы оба надолго замолчали.

Первым снова заговорил он:

— Хотите получать в два раза больше?

Я подумал, что он оговорился. Хотел сказать «в два раза меньше», а сам случайно сказал «в два раза больше». Но даже при таком раскладе для меня выходило просто класс. Четыреста пятьдесят баксов на дороге нигде не валяются.

— Что, простите?

— В два раза больше.

Я на минуту потерял дар речи.

— А кто платит?

— Я.

Мне вдруг пришло в голову, что это сон. У меня иногда так бывает.

— За что?

— Это отдельная тема. Так хотите? Или я найду кого-нибудь еще?

— Нет-нет, я хочу! А что нужно делать?

— Не бойтесь, убивать никого не надо. Присаживайтесь, мне нужно кое-что вам рассказать.

Мы сели за его стол, и он предложил мне такое, от чего у меня челюсть отвалилась до самого пола.

Так бывает у Плуто в диснеевских мультиках, когда он заходит куда-нибудь и видит какой-нибудь крайний беспредел: Микки-Маус там чего-то затеял или злобные бурундуки прибежали. В общем, не важно. Работа, короче, была по мне. Если честно, то просто «не бей лежачего».

Надо было присматривать за его сыном.

Я так понял, что босс серьезно расстраивался из-за сынка. Пацан то ли поехал, то ли вообще был со странностями. Короче, папочка боялся, не был ли у него сын голубым, или его, не дай бог, затащили в какую-нибудь секту. Не то чтобы вокруг вертелись конкретные какие-то педрилы, но мальчик все равно вел себя не вполне адекватно. То сидит целыми сутками дома, не общается со сверстниками, не тусуется, никаких девчонок — один компьютер, чего-то там ищет, хрен его знает что, в своем Интернете. А то вдруг надолго куда-то уходит, но возвращается всегда трезвый и всегда один. Больше всего папочку волновало, что он возвращается трезвый. Для него это было самое подозрительное.

Короче, он хотел, чтобы я научил его пить.

Он хотел, чтобы я научил его драться.